

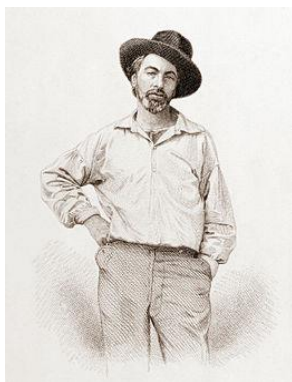
Поэтические переводы

ЛИСТЬЯ ТРАВЫ

Переводы и переложения с английского К.С. Фарая из книги Уолта Уитмена «Листья травы»

К.С. Фарай (1971 г.р.) – поэт, переводчик, живёт в Москве. Долгое время жил и работал в США. Печатался в журналах «Арион», «Урал», «Крещатик», «Комментарии», «Плавучий мост» и др. Опубликовал 9 поэтических книг, книги переводов из Т.С. Элиота, Эзры Паунда, Джима Моррисона. С 1999 по 2001 гг. выпускал сетевой поэтический журнал «Лимб», был номинатором первых литературных конкурсов в Рунете. В настоящее время – редактор и соиздатель античной серии издательства «Русский Гулливер».

Уолт Уитмен (1819-1892) – американский поэт и публицист. В XX веке «Листья травы» признаны одним из важнейших литературных событий, знаменовавших собой революцию в поэзии, связанную с появлением свободного стиха (верлибра), новаторской стиховой системы, пионером которой выступил Уитмен. Переводился на русский язык в начале XX века К. Бальмонтом и К. Чуковским.

Уолт Уитмен (1854 год)
Источник: Википедия

ИЗ КОЛЫБЕЛИ, РАСКАЧИВАЮЩЕЙСЯ БЕСКОНЕЧНО

Из колыбели, раскачивающейся бесконечно,
из горла птицы смеющейся, музыкальной нитью обкручивающей –
полночным сиянием,
по размытым пескам, через топи взволнованный ребенок бежит один,
босиком,

сосредоточенно углубляясь в переплетения снов и отблесков, уходя от теней словно живых,
сломанных теней, играющих в лунном безмолвии, удаляясь полусонно от малиновых кустарников,
удаляясь от воспоминаний о птице той, что пела для меня,
от твоих грустных воспоминаний, брат, от подъемов и падений минувших,
от желтой ледяной луны, поздно взошедшей – уже в слезах,
от излета первых желаний среди дождя, от тысячи ответов моему сердцу,
от сонма слов, разбуженных в нем – слов несравненных...
Да! Вот они снова со мной, становятся мной.
И я, рожденный здесь, где все так быстротечно, хоть уже мужчина, но в этих слезах – ребенок,
падаю на песок, встречаю волны, восклицаю в любви и боли о будущем и прошлом,
всегда один, обгоняю воспоминания.

Однажды Поманок;
сладкий запах сирени преобладал среди трав.
В кустарнике на берегу играли два крылатых гостя из Алабамы, – всегда вместе.
В их гнезде было четыре салатных яичка хрупких с коричневыми пятнами,
и птица-отец – всегда рядом, всегда близко,
и она с большими светлыми глазами в мягкое гнездо забиралась.
И каждый день я, не подходя слишком близко, и не мешая им,
слушал, наблюдал, переводил.

*Свети! Свети! Свети! Разливай тепло, мое солнце!
Пока мы греемся, мы – вдвоем, вместе, – с тобой вместе.
Ветер летит на юг, на север, день приходит белым и ночь черной пленницей.
Горы, озера, реки: везде наш дом –
с нами всегда вместе».*

Но, вдруг, подстреленный один из пары –
да, конечно, это она однажды утром не прилетела,
ни на следующий день, никогда.

Остаток лета кружась над морем, в лунные слезы взлетая, в лунные блики,
или днем переносясь от дерева к дереву, погибая в травах,
мой грустный гость из Алабамы так пел один:

«Ласкай! Ласкай! Ласкай!

*Как волна нежно сзади волну ласкает,
и следующая набегает на нее и обволакивает объятием своим – близко-
близко;
но любимая не прижимает к сердцу меня,
не ласкает больше.*

*Низко спустилась луна, она поздно взошла,
как будто нося дитя, отяжелела от любви, от любви.
Когда берег встречает волну
и высушивает ее на своей горячей спине –
это любви я так жажду...*

Но что несешь, ветер?

Там вдалеке точка – это подружка моя?

*Громко, громко зову ее
и голос мой проносится через море.*

*Ты, конечно, знаешь, что зову я тебя, моя любовь,
моя бесконечная любовь!*

*Луна все ниже и ниже спускается;
что там за пятно на лице ее желтом?*

Неужто это она?

*Не скрывай, луна,
мою любимую от меня!*

Земля, отдай мне мою любимую!

Куда бы я ни смотрел, всюду вижу ее глаза.

И звезды, звезды,

*может, та, кого так желаю, упадет с одной из вас,
вниз упадет любимая
и будет рядом.*

Но горло дрожит, все чище становится просьба.

Рощи, озера, поля ждут, что увижу подружку мою.

Проснись, песнь.

Одиноко здесь с песней ночной,

с песней страдания и любви,

с песней смерти под блестящей луной:

она почти утопает в море,

утопает в песне безысходной любви...

*Но легче, прошу, позволь прикоснуться.
Море, остановись на миг,
кажется, слышал я голос ее в твоём рокоте, шепот почти.
Я должен ждать, ждать неподвижно
и лишь изредка поднимать голову вверх – выше, выше,
чтобы она узнала меня.*

*Выше, любовь моя!
Я здесь, здесь.
Эта выдержанная так долго нота –
это мой зов, плач души моей о тебе.*

*Покинутая, гибнешь вдали от любимого.
Но это не я зову тебя,
это ветер свистит,
это дождь летит в глаза,
это призраки листьев, гниющих на берегу, ждут тебя и тянут,
тянут...
Это тьма,
о как я болен и не вижу, что напрасен мой стон.*

*Луна роняет бледные блики в море
и оставляет отражение в нём подобное дрожи моего горла;
все бессмысленно
и пусто, пусто.*

*Прошлое – воспоминание о счастье.
Когда моя спутница рядом была...
Любила! Любила! Любила! Любила,
любила, но теперь ее нет со мной,
ее нет».*

*Окрестности тонут во тьме,
все идет неизменно – что есть, то и было:
звезды, ветер, эхо далекого ответа
то гаснет, то вновь взрывается – голос птицы,
неумолкающий стон, въевшийся в серый берег
тонет как желтое подобие луны, падает вниз,
лицом моря почти касаясь, мальчик в экстазе,
обнаженный как волны с болью выносит любовь из безумного сердца:
свободную, дикую – смысл, резонирующий в ушах – в душе,
на щеках странные слезы в их блеске прощальном.
Это тень матери-моря как будто отвечает, но, скорее, спрашивает
или напоминает о таинственном своему певцу.*

Демон или птица (подумала душа мальчика),
далекому супругу ты поешь или мне?
Я был ребенком и спал,
но теперь услышал и понял, кто я – я пробужден.
И ныне тысячи новых певцов,
тысячи песен чище, стремительней, печальней твоей,
тысячи стонов ожили во мне, – чтобы не исчезать больше.

Одинокий голос – мое отражение,
внимая, никогда не перестану тебя прерывать,
никогда не отступлю, никогда не подражая;
никогда нежный стон невоплощенной любви не оставит меня,
никогда не буду спокойным ребенком в ночном безмолвии, – *там* на берегу

гонец сладкого ада явился из волн, и я узнал его.

Ответь, что со мной?

Если многое есть у меня, даруй больше,
еще в тысячу крат больше.

Неужто это *слово*? (Я покорю *слово*).

Последнее, возвышенное, уносящееся стрелою.

Что это?.. Внимаю...

Волны, к вам ухожу!

Берега, отчего еле слышно,

вы ль это шепчете откровенно, чисто,

только прежде я не понимал,

шепчете одно слово: «*смерть*», «*смерть*», «*смерть*», «*смерть*».

И это не голос птицы и не мой, но тот, что создан был для меня,

клокочет обезумевшей трелью: «*смерть*», «*смерть*», «*смерть*».

Отчего еле слышно?..

О, мой демон, брат мой,

ты пел мне, пел мелодично, искренне, безнадежно

и знаю теперь, что ответить тебе.

Я услышал слово истины, – его не произнести дважды –
в бормотании моря на берегу;

смысл волн и твоей светлой грусти,

мой одинокий брат; отчего еле слышно,

как старуха в алькове раскачивающая колыбель,

море смеялось.

ЖИЛ МАЛЫШ. КОГДА ОН ВЫХОДИЛ...

Жил малыш.

Когда он выходил на свою ежедневную прогулку,
и оглядывался вокруг,
то, на что бы он ни смотрел
с жалостью, любопытством, страхом или любовью,
он становился этим предметом,
и это предмет становился частью его
на один день или на одно мгновение дня,
...на целый год или на циклы тянущихся лет.

Ранние незабудки становились частью малыша,
И трава, и красивая герань, и клевер,
и маленькие колибри,
и мартовские ягнята, и поросята с розовыми грудками...
кобыла с жеребятами, смеющиеся толпы во дворах,
люди у скользкого входа в пруд,
любопытные рыбки среди темно-зеленых камней,
и водяные мельницы с тяжелыми
стальными верхушками...
все становилось частью этого малыша.

И апрельские и майские полевые всходы
становились малышом...
и зимняя пшеница,
и светло-каштановые кукурузные ростки,
и съедобные корни в огородах,
и яблони, и цветы яблонь,
и сочные яблоки, падающие с веток...
и лесная малина... и подорожник;
и старый пьяница по дороге домой
из таверны, где он недавно лежал без памяти,
И торопливая учительница... и дружелюбные дети,
и грустные дети... и аккуратные девочки-горожанки...
и все изменения в городах и селениях,
куда бы он ни шел.

И даже родители малыша – мужчина, зачавший его, выстрелив
отцовской смесью
среди ночи... и женщина, выносившая малыша в своей сумке
перед тем, как он появился на свет...
они дали ему гораздо больше этого,

и давали ежедневно... и они, и то, что исходило от них
становилось частью малыша.
Его мать... и тарелки, и блюда, поставленные
на обеденный стол,
Мать... и потоки прекрасных слов...
и чистая косынка, и фартук,
и здоровый материнский аромат,
отлетающий от ее волос и платья
когда она проходила мимо;
Его отец: сильный, мужественный, независимый,
строгий, рассерженный, несправедливый,
и удар, и окрик, и просьба, и заманчивая ложь,
И предметы домашнего обихода, и разговор, и лавка старьевщика,
мебель... и желания переполненного сердца,
Любовь неподкупная... и чувство неизменной реальности,
мысли о том, что и это только мечта,
Сомнения дней и ночей, желание
узнать «как это?» и «что это?»...
Существует ли то, что кажется реальным
или это только вспышки и искры?
Мужчины и женщины на дорогах,
если не вспышки и искры,
то тогда – кто?
И сами дороги, фасады серых домов...
товары на широких витринах, лица,
телеги, причалы, толпы на переправах;
Вид деревни, когда солнце падает
за зеленый холм... вереницы изломанных рек...
И тени... и лучи света в гущах летних дождей...
свет, падающий на крыши... и белая, и коричневая
черепица...
очертания, отсветы, силуэты;
шхуна неподалеку, уходящая с отливом...
лодка на мели среди береговых камней,
Бег и танец темно-синих волн – растерянный всплеск,
и красочные облака... и багровая мачта,
оставленная кем-то словно в одинокой
бесконечной грезе;
склон горизонта, сизый пеликан на фоне солнца,
сгустки ила в аромате соленых водорослей;
все эти явления и кажущиеся явления, да,
Все это становилось частью малыша, который
ежедневно выходил,

и впредь будет выходить ежедневно,
становилось собственностью малыша, будь то
он или она,
кто гнался за всем этим
день за днем, час за часом —
всегда.

СЕРЫЙ И ХМУРЫЙ СТАН, ЗА ЧАС ДО РАССВЕТА

Серый и хмурый стан, за час до рассвета
Я вышел из палатки, гонимый бессонницей,
И спустился по узкой тропинке, ведущей к полковому госпиталю.
Там три фигуры, распростертые на носилках,
Три бездыханных тела, оставленных в тишине
Увидал я, и каждое было одеялом накрыто,
Светло-коричневым шерстяным одеялом,
Тяжелым и пыльным, обворачивающим все.

Бесшумно подкрался я, и застыл, потрясенный.
Потом с лица одного из них стянул одеяло:
Кто ты, мудрый седоволосый старик,
С глазами, что потонули в морщинах?
Кто ты, мой старый товарищ?
Медленно и не дыша, приблизился я ко второму —
Кто ты, мой возлюбленный сын, с румянцем еще на щеках?

Третий — не стар и не юн, со спокойным лицом,
Подобным мутно-желтой слоновой кости.
Человек, мне кажется, я знаю тебя, — в твоём лице признаю
Черты самого Христа. Бездыханный
Божественный брат, — вот и здесь он лежит.